

В пансионат мы приехал последними. Все комнаты в новых корпусах были заняты, нам достался старенький, еще деревянный домик. Он стоял в глубине территории, закрытый от всех кустами, одинокий двухэтажный дом, с умывальником на этажах, но с туалетом и душем на улице. Боевой экипаж нашей машины оказался первыми жильцами, в остальные свободные комнаты обещали подселить других опоздавших.

Перенести вещи из машины, получить на складе одеяла, матрасы и белье — вот и все задачи которые стояли перед отдыхающими. Пока я таскал тюки со спальными принадлежностями в комнату, девчонки разведали, что кормить нас будут только ужином ближе к вечеру. Тогда они из комнаты отдыха утащили стол и быстро накрыли его домашними припасами, благо сумки ломались от запасов еды и выпивки. Солнце еще не успело коснуться горизонта, а у нас веселье было в самом разгаре.

В спальне особняка гуляла самая молодая часть нашей строительной компании. Женские вопли и визги разлетались по пустым этажам, по коридорам догоняя их, летели шлепки по обнаженным частям тел. Это мы играли в «дурака» на раздевание. После того, как на игроках одежды осталось меньше, чем полагается в приличном обществе, мы перешли на «штрафные рюмки». Ближе к полуночи, когда отсутствие одежды перестало всех волновать, игра продолжилась опять на раздевание. В итоге, Юлька проигралась совсем, и не имея возможности что-либо снять с себя — выбыла из игры. Я сидел босой в джинсах, и при часах. Ксюха оставалась в штанах, но ей приходилось придерживать рукой свою роскошную грудь, чтобы та не очень раскачивалась при сбросе карт. Светка сидела в футболке, под которую прятала голые ноги, демонстрируя свои голубые трусики. К моему удивлению, самой одетой оказалась Леночка.

Было весело, гостей мы не ждали. Ни кому до нас не было дела. Лишь один раз на огонек зашел Филиппыч. Его мы слышали из далека, под его тяжелыми шагами за скрипели половицы в коридоре. Каштанка успела завернуться в одеяло, а Ксюха из кучи выигранных вещей выхватила футболку и быстро натянула на себя.

— Привет молодежь!

В ответ мы затихли, как пойманные на воровстве. Одна Леночка не растерялась и деловито достала из-под стола две бутылки водки.

— Гость в дом, радость в дом, — заявила она. — Филиппыч, выпьешь с девушками?

— Молодой, разливай! — приказал он и оживленно потер ладони.

Я разлил всем по стаканчикам водку.

— За самых красивых наших женщин! — громко заявил Филиппыч и опрокинул в рот полный стакан. Затем он по очереди расцеловал всех присутствующих, забрал все запасы водки и отправился гулять в свой корпус.

Леночка потянула меня за руку.

— Славик, пойдем погуляем? — попросила она. Мы вышли в коридор, но почему-то вместо улицы направились к лестнице ведущей наверх. Как оказалось, наш домик был не двух, а трехэтажный. На чердаке под крышей имелась еще одна комната — мезонин. Вот к нему и устремилась Ленка.

— У меня есть одна мечта, — говорила она, поднимаясь по лестнице. Только ты не смейся,

обещаешь!

— Обещаю, ответил я и мысленно приготовился к самым диким ее фантазиям.

— Я давно хотела пописать с высоты. Вот.

— Всего-то.

— Это тебе легко сделать, возразила Ленка, подошел к окошку, шланг достал и готово. А я вообще вывалиться могу.

Мы остановились на крохотной лестничной площадке перед одинокой дверью.

— Ломай! — с вызовом бросила мне Ленка.

— Все бы тебе ломать, — проворчал я, — тут подумать надо. Опустившись на колени, я внимательно стал изучать замок. Сама дверь опасений не вызывала, хлипкая дощатая конструкция с дешевой ручкой. Ленка наклонилась и, дыша мне в ухо, прошептала — Ну как?

— Один минут, ответил я и раскрыл нож. Но не так то просто оказалось отжать язычок замка, да и слабенькая пыльная лампочка не способствовала скорости работы.

— Ты можешь побыстрей, — заскулила Ленка, — я сейчас в штаны налью!

— Не нальешь, успеешь выскочить. Тем более не фиг было до последнего терпеть, — ворчал я, ковыряясь в замке.

— Глупый, иначе нельзя, весь кайф пропадает. Надо накопить побольше, а потом дать такую струю, что бы до самой земли летела.

— До Земли ерунда, вот если до Луны — вот это да.

Замок наконец сдался, дверь противно заскрипела и впустила нас во внутрь. Мезонин оказался двухкомнатным блоком. В первой комнате стояли холодильник, стол, два стула и шкаф для одежды, во второй комнате — диван, журнальный столик с лампой, на тумбочке пылился телевизор. Ковровая дорожка вела от входной двери к балконной. Пока я осматривал все это хозяйство, Ленка нетерпеливо приплясывала на месте, придерживая спадающие штаны. Пуговицы шорт она расстегнула заранее. В лунном свете отчетливо были видны линия загара на животе, потом ослепительная белизна кожи, ниже темнел краешек лобковой растительности.

— Чего уставился? Ждешь когда потечет, так не долго осталось! Открывай балкон.

С тараканьим шорохом порвалась прошлогодняя газетная бумага, которой была оклеена балконная дверь. Вместе с обрывками газеты на нас опустилось облако пыли. Пылинки, подхваченные уличным сквозняком, как светлячки закружились под лунным лучом. Сзади кто то хрюкнул. Я обернулся, Ленка, смешно задрав верхнюю губу, отчаянно терла нос — Сейчас чихну! И точно в тишине этажа громко прозвучало — Апч-хи. И еще раз апч-хи-при.

— Блять! Что за невезение, все таки пролила! Я оглянулся, из-под коротенькой Ленкиной штанины побежала струйка, украшая ковровую дорожку мокрым пятном.

Ленка сняла мокрые шорты и бросила их на телевизор. — Пошли, чего стоять. — На балконе она попыталась пристроить свою попку между прутьев ограды.

— Нет, так не получится. Я лишь опять оболью свои бедные босоножки. Славик, помоги! Посади меня на перила.

Я без труда поднял Ленкино тельце и устроил ее на ограде.

— Куда?, остановила она меня, — не уходи, я же свалюсь! Стой рядом.

Я остался, обхватив девченку за тонкие бедра. Ленка прижалась к моей груди, потом, устраиваясь поудобнее, поерзала на перилах. Затихла, подняла вверх голову, встретилась со мной своим бесстыжим взглядом и в тишине летней ночи раздалось тихое шипение. Где-то

там, между моих рук свистел маленький реактивный двигатель. По дрожанию ног я догадался, что Леночка старается изо всех сил. Струя её мочи, блестя в свете фонаря, в полете распадалась на капли и беззвучно исчезала в черной траве.

— Уф. Выдохнула она, когда поток иссяк. — Ты видел?

— Видел, но больше слышал.

Сверкая голой белой попкой, Ленка вернулась в комнату. Она потрогала диван, нарисовала дорожку на пыльном экране телевизора. Видно было, что она что-то затевает.

— Славик, какая самая унижительная для женщины поза? Вдруг спросила она.

— С киркой на строительстве дороги.

— Нет, Я про секс.

— Не знаю. Наверное раком.

Ленка подошла к дивану, встала на него коленями, а руки и голову положила на спинку. — Так?

— Нет. Я подошел сзади и согнул девчонку в коленно-локтевую позу. — Вот так.

Ленка снизу вверх посмотрела на меня через широко разведенные ноги и спросила, — Ну и чего ты ждешь? Перед тобой женщина стоит раком с голой жопой, а ты еще думать будешь? Лично я ни чего не думал. Снять джинсы и раскатать по члену презерватив, дело десяти секунд. По совету Филиппыча, с резиной я не расставался и постоянно таскал ее в заднем кармане.

— Только резко, на всю глубину по самые яйца, а не как в тот раз на речке, — потребовала сучка.

— Уж как получится, — возразил я. — Слишком много говоришь, в сексе это вредно.

Когда усталые и вымазанные в пыли мы вернулись в комнату, там находились только Света и Ксюха.

— Где были? с подозрением спросила Ксанка.

— На чердак лазили.

— И его нашли?

— Кроме пыли и грязи ничего.

— А смысл лезть?

— А смысл водку пить, ведь утром опять трезвый будешь. Смысл — в процессе. Лучше скажи, где Каштанка?

— Как и обещала, я ее голышом с бутылкой водки по территории гулять отправила.

— А если не вернется, пропадет?

— Куда она дальше мужиков денется?

— Вот именно! С голым задом к мужикам в компанию, опасно.

— Только не Юльке, кайф поймает на все лето.

— Ксанка, ты злюка! — объявила Леночка. Она взяла полотенце и отправилась в душ.

— Ленка, меня подожди, — попросил я.

— Еще чего, вспылила Оксанка, — иди в пруду искупайся, вода сейчас теплая.

— Чего это она, спросил я. Но Света лишь махнула рукой и начала прибираться на столе. Дверь без стука распахнулась, в проем выплыла женская попа, слегка прикрытая мужской рубашкой, под телом виднелся мощный торс Филиппыча, это он нес Каштанку положив ту на плечо.

— Это ваша деваха? Чего она голая под забором сидит?

Филиппыч легко, как ребенка, перевалил Юльку на кровать. Та попыталась что-то сказать, но лишь замычала, не в силах даже пошевелиться. Как Юльку бросил на кровать, так она и осталась лежать в распахнутой рубашке. Левая грудь уставилась в потолок бурым соском, правая же свесилась на бок. По лицу размазаны остатки косметики и еще не пойми что. Ноги широко раскинуты, в растительности застряли травинки и еще какой-то мусор, ягодицы и колени Каштанки были испачкана зеленым травяным соком. Зрелище было еще то, хоть фотографируй и печатай как антиалкогольный плакат.

В ответ, Оксанка наполнила водкой стакан и подала Филиппычу.

— За спасение блудного тела! — объявила она. Филиппыч крикнул, выпил водку и вместо закуски попытался поцеловать Ксюху. Но та ловко ускользнула и вставила ему в зубы соленый огурец. Филиппыч, хрустя закусью, убедился что водки на столе больше нет и снова исчез в ночи.

Оксанка вытащила из под кровати бутылку, второй раз наполнила стакан и подошла к кровати.

— Юлечка, сучка ты наша, водочку пить будешь?

— Оксанка прекрати, куда ей еще? — возмутилась Леночка.

Но Ксюха не слушала, она ласково придерживала Каштанку за плечи и вливала водку, та на автомате глотала жидкость.

— Вот теперь она будет спать до самого утра, — объявила Ксанка, возвращаясь к столу. Словно в опровержение ее слов со стороны кроватей послышался странный звук. Мы обернулись, у Юльки началась икота.

— Сейчас блевать начнет, — заявила Света.

— Надо ее в умывальник перенести, — предложила Леночка.

— Вот еще с пьяной тварью возиться!

— Лучше отнести, — поддержала Света, — она может задохнуться:

— Или что хуже, вонять будет, — перебила ее Оксана. — Слава, миленький, переложи эту тушку на подоконник. Если она будет блевать, то лучше на улицу.

— А не вывалится?

— Не должна, у нее жопа мясистая, центр тяжести внутри помещения останется. Ты ей руки наружу свесь, что б в комнату не упала.

С трудом с помощью девчонок мне удалось разместить обмякшее тело. Как Ксюхи и предполагала, Каштанка устойчиво лежала на подоконнике, свесив руки и голову на улицу, а ногу в комнату. Мы вернулись на свои места за столом.

— Нет, ты посмотри на эту шлюху! — возмутилась Оксанка, — скольких мужиков она сегодня обслужила.

— Где? — не поняла Света.

— На дыру ей посмотри.

Действительно, по Каштанки ногам, измазанным землей и травяным соком, стекали мутные капли спермы. Они сбегали до коленей, а потом срывались на пол.

— Это же сколько раз надо дать, что бы сперма не поместилась в такой дырище? Думаю Каштанка оторвалась на полную катушку. Юлечка, сколько мужиков сегодня было?

В ответ Юлька что то промычала, попыталась подняться, но лишь с шумом выпустила газы и опять безвольно повисла на подоконнике. В повисшей тишине раздалось Ленкино хихиканье.

— Очень смешно, — сердито буркнула Оксанка.

Пока мы сидели и трепались за жизнь, Каштанка начала приходить в себя, она слабыми неуверенными движениями попыталась сползти вниз. Один раз я поймал Юльку и поместил обратно, второй раз не уследил. По середине нашего разговора у окна раздался грохот, это Каштанка свалилась с подоконника. Теперь она на четвереньках ползла по комнате. Вдвоем со Светой мы затащили Юльку на место, та мычала, упиралась и упорно пыталась продолжить движение. В итоге физическая сила победила, Каштанку опять водрузили на подоконник, и через несколько секунд, были наказаны. Не успели мы сесть за стол, как у окна послышался звук падающей воды.

— Кобыла траханная! — взорвалась Ксюха.

Действительно, сейчас Каштанка больше всего походила на лошадь. Рук нет, видна одна большая жопа, а меж широко расставленных ног, по полу густая барабанит струя мочи. Оксанка со злостью сорвала с кровати Юлькину олимпийку и бросила ей под ноги.

— Зачем ты это сделала? — возмутилась Света. — Она же не виновата!

— Выходит мы виноваты, поскольку нам за ней замывать!

— Бедная, — подала голос Леночка, — так вот почему Юлька убежать пыталась, она же в туалет хотела, а вы не пускали, вот она и описалась.

Но Ленку ни кто не слышал. Света с Оксаной сцепились не на шутку. Я же поймал себя на мысли, что мне это чертовски надоело. Хорошо бы куда-нибудь удрать и завалиться спать, хотя бы на третий этаж. Благо дверь в мезонин уже сломана.

Шум утих моментально, когда Каштанка усугубила свое грязное дело. Сначала раздался грохот выпускаемых газов, а потом по её ногам начали скатываться куски дерьма, и со шлепками падать в лужу на полу.

— Я убью ее! — простонала Ксюха и схватилась за голову, — Славик, дорогой, и ты, Лена, вытащите эту тварь на пруд и прополощите хорошенько. Нет, лучше утопите, а потом бросьте где-нибудь на первом этаже. Видеть больше ее не могу.

Делать нечего, пришлось тащить Юлькину тушку на пруд. Там я бросил Каштанку на мелководье, а Леночка пучком травы стала смывать дерьмо с подружки.

— Ни когда не думала, что обоссаная или обосранная женщина настолько противна, — причитала Леночка. — Все, с алкоголем завязываю, не дай бог напиться до такого состояния.

Чистую и немного протрезвевшую мы Юльку поместили в коридоре на клеенчатом диванчике, правда она успела на обратном пути обоссаться еще раз, и теперь мокрая лужа имелась еще и в коридоре, но это уже мелочи.

Наконец-то, ближе к рассвету мы улеглись спать, сдвинув вместе три кровати. Светка, как замужняя женщина легла с краю, а Ксюха и Леночка устроились вокруг меня. И частенько посреди ночи, когда их руки встречались, я сквозь сон, слышал перебранку кто за что будет меня держать.

Конец.